



Чингис и Чингиз: растение и завоеватель

Чимиза К. Ламажаа

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Марал Б. Амалбекова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан,

Лина Р. Иргит

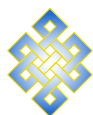
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация

Статья посвящена анализу имянаречения тувинцев детьми именами «Чингис» и «Чингиз» на рубеже XX–XXI вв., в контексте исторической памяти о Чингисхане и трансформации традиционной антропонимической системы Тувы. Авторы показывают, что эти имена сегодня почти полностью воспринимаются как отсылка к монгольскому завоевателю и символу степной державности, хотя тувинское Чингис изначально является ботанической номинацией со значением «мох» и лежало в основе преимущественно женских имен типа Чингис, Чингиспей. Источниковая база включает лексикографические и этимологические словари, научные исследования по истории и этнографии Тувы, материалы СМИ, а также массив данных органов ЗАГС Республики Тыва по регистрации имен в 1990–2025 гг.

В работе реконструируются уровни присутствия образа Чингисхана в современной культурной жизни Тувы: академический, музейно-выставочный, туристско-брендовый, политико-символический, народно-легендарный, культурно-творческий и антропонимический. Отмечается, что культ Чингисхана и связанных с ним фигур (например, Субэдэя) играет важную роль в самоидентификации тувинцев и формировании образов героической маскулинности. Подробно описаны традиционные ритуалы имянаречения и их смена в постсоветский период, когда родители получили свободу выбора, а охранительные «некрасивые» имена уступили место звучным и престижным, в том числе связанным с историческими персонажами.

Статистический анализ динамики имен показывает пик популярности «Чингис/Чингиз» в 1990-е годы на фоне национально-патриотического подъема, последующую «нормализацию» и устойчивое снижение частот в 2010–2020-е гг. При этом форма Чингис (1271 случая) заметно доминирует над Чингиз (210 случаев), а к 2020-м гг. вариант с конечным «з» практически исчезает, что интерпретируется как скрытая «ре-туванизация» имени и его фонетическое приспособление к местной языковой системе. Делается вывод о наложении и взаимодействии двух традиций — старой ботанической и новой историко-памятной — и о закреплении имени как мужского символа героизированной маскулинности.

Ключевые слова: имянаречение; тувинцы; Чингисхан; Чингис; Чингиз; тувинский язык; историческая память



Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Амалбекова М. Б., Иргит Л. Р. Чингис и Чингиз: растение и завоеватель // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 290–305. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.17>



Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, г. Алматы, 050000, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая лабораторией этнологии и лингвокультурологии, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 98. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

Амалбекова Марал Бимендиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Адрес: 010010, Республика Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, д. 2. Эл. адрес: maraluspen@mail.ru

Иргит Лина Радиковна — студент Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48. Эл. адрес: lin.irgit@gmail.com



NATIVE LANGUAGE

Article

Chingis and Chingiz: A Plant and a Conqueror

Chimiza K. Lamazhaa

Farabi University, Republic of Kazakhstan,

Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation,

Maral B. Amalbekova

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan,

Lina R. Irgit

Herzen University, Russian Federation

The article examines the practice of naming Tuvan children with the names *Chingis* and *Chingiz* at the turn of the twentieth and twenty-first centuries, in the context of historical memory of Genghis Khan and the transformation of the traditional anthroponymic system of Tuva. These names are now almost exclusively perceived as references to the Mongol conqueror and a symbol of steppe statehood, although the Tuvan *Chingis* originally functioned as a botanical term meaning “moss” and served as the basis for predominantly female names such as *Chingis* and *Chingispey*. The source base includes lexicographic and etymological dictionaries, scholarly works on the history and ethnography of Tuva, media materials, as well as a dataset from the civil registry offices of the Republic of Tuva on name registration for the period 1990–2025.

The study reconstructs the levels at which the image of Genghis Khan is present in contemporary cultural life of Tuva: academic, museum and exhibition, tourism and branding, political-symbolic, folk-legendary, cultural-creative, and anthroponymic. It is noted that the cult of Genghis Khan and related figures (e.g., *Subedei*) plays a significant role in Tuvan self-identification and in shaping models of heroic masculinity. The article provides a detailed description of traditional naming rituals and their transformation in the post-Soviet period, when parents gained greater freedom of choice and protective “unattractive” names gave way to sonorous and prestigious ones, including those associated with historical figures.

A statistical analysis of name dynamics reveals a peak in the popularity of *Chingis/Chingiz* in the 1990s amid a rise in national-patriotic sentiment, followed by “normalization” and a steady decline in frequency in the 2010s–2020s. At the same time, the form *Chingis* (1,271 cases) clearly dominates over *Chingiz* (210 cases), and by the 2020s the variant ending in “z” has virtually disappeared. This trend is interpreted as a latent “re-Tuvanization” of the name and its phonetic adaptation to the local linguistic system. The authors conclude that two traditions—an older botanical one and a newer historical-memory-based one—overlap and interact, resulting in the consolidation of the name as a male symbol of heroic masculinity.

Keywords: naming practices; Tuvans; Genghis Khan; *Chingis*; *Chingiz*; Tuvan language; historical memory

**For citation:**

Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D., Amalbekova M. B. and Irgit L. R. *Chingis and Chingiz: A Plant and a Conqueror*. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 290–305. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.17>



LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Scientific Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Farabi University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Kazakhstan. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID: 0000-0003-1813-3605

SUVANDII, Nadezhda Darievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Dean, Faculty of Philology, Tuvan State University. Postal address: 98 Mongusha Sata St., Kyzyl, 667004, Russia. E-mail: suvandiin@mail.ru

AMALBEKOVA, Maral Bimendievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Practice of Translation, L. N. Gumilyov Eurasian National University. Postal address: 2 K. Satpayeva St., 010010, Astana, Republic of Kazakhstan. Email: maraluspen@mail.ru

IRGIT, Lina Radikovna, Student, Institute of the Peoples of the North, Herzen University. Postal address: 48 Moika River Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russia. E-mail: lin.irgit@gmail.com



Введение

Одними из распространенных имен, которыми современные тувинцы называют своих детей, являются имена «Чингис» и «Чингиз», на первый взгляд кажущиеся фонетическими вариациями от имени основателя и первого великого хана Монгольской империи XIII в. Чингисхана (Тэмуджина, Темучина, Темучина).

Его наследие продолжает присутствовать и переосмысливаться на обширных территориях Евразии, где побывали войска монгольского завоевателя, а также на которые распространялись его власть или влияние (Чингисхан и судьбы ... , 2003, 2007; Кучина, 2012; Ванчикова, 2013; Марков, 2018; Исаков, 2024ab; Цыренова, Цыренов, 2024; Дьяченко, 2025; и др.). Причем влияние распространяется и в виде имянаращения на территории Центральной Азии (Монголии, ряде российских регионов, Кыргызстане, Казахстане и др.). Например, всем известно имя киргизского писателя Чингиза Айтматова (1928–2008). «Чингис» приобрело значение и топонима. Так, оно было присвоено в 2013 г. городу в Монголии, аймак Хэнтий, в 290 км от Улан-Батора. Как указывается в сообщениях монгольских СМИ, поводом и официальной мотивацией стало стремление подчеркнуть связь города и всего аймака Хэнтий с личностью Чингисхана¹.

Территория Тувы также входит в этот культурный ареал и тувинцы тоже сохраняют веками культурную память о монгольском хане. В том числе востребованным стало звучное имя полководца, вызывающее ассоциации с могущественной фигурой, со славой и достижениями.

Однако, надо также сказать о том, что у тувинцев происхождение имени *Чингис* (с тувинской буквой *ң* и глухой [s] на конце) не связывается только с известным монголом. Слово *чингис* в тувинском языке означает «мох» и считается одной из лексем области цветов и трав, из которых образовывались по традиции в первую очередь женские имена — *Чингис* и *Чингиспей* (в русском написании соответственно *Чингис*, *Чингиспей*). Например, Чингиспей упоминается в истории первой тувинской оперы «Чечен и Белекмаа»², как имя дочери богача.

Наш исследовательский интерес вызвал тот факт, что в определенный момент времени традиционное тувинское имя «Чингис» «потеряло» тувинскую ботаническую основу и стало считаться заимствованием личного имени монгольского хана. Причем это изменение осталось не замеченным никем: ни исследователями, ни общественностью, ни органами ЗАГС. Например, в отчете органов ЗАГС Тувы имена «Чингис» и «Чингиз» рассматриваются как одно. При этом отмечается, что с 1945 г. до 2017 г. «оно» было и остается стабильно популярным для имянаращения тувинцев. В этот период «этим именем», как отмечается в СМИ, назвали 2225 детей, а полное имя Чингис-Хаан дали 40 мальчикам³.

Поскольку эта проблема еще не входила в поле внимания ученых, то *целью настоящего исследования* является анализ имянаращения тувинцами детей «Чингис» и «Чингиз». Задачи исследования: 1) рассмотреть особенности традиционного имянаращения тувинцев и изменения традиций в свете выбранных имен; 2) описать проявления исторической памяти тувинцев о Чингисхане в прошлом и в современности; 3) представить динамику и особенности имянаращений тувинцами детей именами «Чингис» и «Чингиз» по территории Тувы.

Источниковая база исследования. Мы опираемся на материалы лексикографических словарей (этимологических, толковых), научную литературу, материалы СМИ, а также данные органов ЗАГС Республики Тыва (по рассматриваемым именам и фактам фиксации присвоения имени детям по районам республики в период от 1990 до 2025 гг.), полученные нами по запросу. Также авторский

¹ Өндөрхаан хотыг “Чингис хот” болголоо [Город Ундурхан, названный «Городом Чингиса»] // Монголын Үндэсний Олон Нийтийн цахим хуудас. 2013, 19 ноября. URL: <https://www.mnb.mn/i/11809> (дата обращения: 24.04.2026). (На монг. яз.)

² Автор музыки Р. Кенденбиль, либретто — С. Сарыг-оол (на основе тувинской народной сказки). См.: Юбилейный год для первой тувинской оперы «Чечен и Белекмаа» [Электронный ресурс] // ГАУ «Тувинская государственная филармония имени В. М. Халилова». URL: <https://tuvafil.ru/index.php/news/read/410> (дата обращения: 24.04.2026).

³ ЗАГС Тувы проанализировал, как менялась мода на имена с 1945 года [Электронный ресурс] // МК.Ru. Тыва. 2017, 27 декабря. URL: <https://www.mk-tuva.ru/articles/2017/12/27/zags-tuvy-proanaliziroval-kak-menyalas-moda-na-imena-s-1945-goda.html> (дата обращения: 23.04.2026).



коллектив имеет внушительный задел в области исследований антропоники тувинцев, благодаря работам одного из соавторов — Н. Д. Сувандии (Сувандии, 2011, 2024, 2025; Сувандии, Кара-оол, 2021).

Из истории имянаречений тувинцев

У тувинцев, как уже фиксировалось в исследованиях одного из соавторов данной статьи Н. Д. Сувандии, существовала совокупность ритуалов (*ат бээриниң езулалы*) по имянаречению, которые основывались на верованиях, на народных знаниях (Сувандии, 2024). В том числе антропоники образовывались из растительной лексики, создавая целую лексическую группу, причем древнего происхождения (там же: 18–21). Как мы уже отметили, *чиңгис* фигурирует как тувинская ботаническая номинация и переводится как 'мох'.

Данная лексема широко встречается в текстах культуры самых разных времен и до сегодняшнего дня.

Чиңгис 'мох' упоминается в фольклоре. Например, есть загадка о мясе, который застрял в зубах: *Ак хаялар аразында / Алдын чиңгис чыдыр* 'Между белыми скалами / Золотой мох лежит'¹. Как отмечает М. В. Ондар, среди фраз-зачинов тувинских героических сказаний встречалась и такая: *Чиңгис чуруп, Чиңгирти чулуп турар шагда* 'Когда рисовались мхи, Когда катились Чиңгирти' (Ондар, 2022: 176).

Среди топонимов Тувы есть ряд наименований, включающих в себя слово *чиңгис*. Их зафиксировала Б. К. Ондар в «Топонимическом словаре Тувы»: *Чиңгис-Ак* (*чиңгис* 'мох' и *ак* 'белый') — река в Тоджинском районе, берущая начало в снежном высокогорье и протекающая по местам, изобилующим мхом; *Чиңгис-Ак-Хөл* (*чиңгис* 'мох', *ак* 'белый', *хөл* 'озеро') — озеро в Тоджинском районе; *Чиңгис-Каът* (*чиңгис* 'мох' и *каът* 'ряд, слой, солнечная сторона горного отрога (не покрытая снегом)') — река в Дзун-Хемчикском районе; *Чиңгис-Соор* (*чиңгис* 'мох' и *соор* от алтайского *соору* 'болотистое место с трясинной')².

Пейзажные зарисовки произведений тувинской литературы также не обходятся без упоминания мха. Так, в романе С. К. Тока «Араттың сөзү» («Слово арата») встречаются следующие описания: «*Орук чиңгис шыпкан кырлаңарның болгаш элезин тейлерниң аразында кадыры-биле дыйлаң-шыйлаң чоруткан турган*» 'Дорога была извилистой из-за крутизны среди покрытых мхом гребней и песчаных холмов'³; «*Ол чалымнарда чүгле ында-кайда ак чечектиг сөөскенден, даг согуназындан өске үнүш көзүлбес, чамдыктарының кырында шагжагар куу чиңгис чыдар*» 'На этих утесах лишь кое-где не видно другого растения, кроме таволги белоцветковой, горного лука, на некоторых лежит усталый серый мох'⁴.

Название растения бытует у тувинцев-тоджинцев в кличках оленей, например, *Чингис-Чиир* (*чиир* 'ест, кушает'), означая животного, который питается в основном мхом⁵.

Специалисты называют *чиңгис* растением, весьма полезным для разнообразного использования, в т. ч. благодаря его лекарственным качествам. Например, Д. К. Куулар и Т. М. Куулар писали, что *чиңгис* с древности растет в Туве в тайге и на болотистых низинах. Разрастаясь, образует торфяную массу, имеет тонкие стебли, шуршащие листья. Сок у него клейкий, корни утолщенные, ветвистые, извивающиеся. Тувинцы его использовали в медицинских целях как повязку, впитывающий влагу раны (Куулар Д., Куулар Т., 1974: 54).

Тем самым вполне логично, что *чиңгис* 'мох' зафиксирован в тувинско-русских словарях⁶, а также в словаре сельскохозяйственных терминов⁷. Но поскольку все ключевые лексикографические из-

¹ Тыва тывызыктар = Тувинский загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кунзегеша, 2021. С. 392.

² Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2007. С. 491.

³ Тока С. К. Проза чогаалдары, шии [Произведения прозы, стихи]. Кызыл: Национал школа хөгжүдөр институт, 2021. С. 137. (На тув. яз.).

⁴ Там же. С. 349.

⁵ Сувандии Н. Д. Основные лексико-семантические группы зоонимов в тувинском языке // Мир науки, культуры, образования. 2020, № 6. С. 477.

⁶ Тувинско-русский словарь / под ред. А. А. Пальмбаха. М.: Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. С. 512; Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 534.

⁷ Кызыл-оол И. Т. Русско-тувинский словарь сельскохозяйственных терминов. Кызыл: Тувинско-книжное издательство, 1987. 2-3 изд. С. 136.



дания выходили в середине — второй половине XX в., то возможно с тех времен слово ушло в пассивную группу лексики, понятную для носителей тувинского языка, но употребляемую сегодня редко.

К сожалению, не завершенность проектов изданий толкового словаря тувинского языка под редакцией Д. А. Монгуша¹ и этимологического словаря тувинского языка Б. И. Татаринцева², в которых бы разбирались лексемы на букву «Ч», не дает возможности углубиться в разбор этой тувинской лексемы. Можно только отметить, что специализированные древнетюркские словари и этимологические словари базисной тюркской лексики не фиксируют общеизвестного древнетюркского корня со значением 'мох'. Однако в древнетюркском языке было прилагательное *čij* 'влажный, пропитанный влагой'³ — качественный корень с семантикой сырости, намокания, близкий к обозначению объекта, тесно связанного с влажной средой. То есть семантическая близость очевидна, однако она сама по себе не доказывает прямого родства терминов, поэтому мы оставим это упоминание только в качестве осторожной гипотезы, которую возможно разовьют (или опровергнут) наши коллеги.

В других тюркских языках мох выражается иными лексемами, чаще всего *muk* (в казахском, киргизском, алтайском, шорском, татарском, башкирском). Тувинский *чиңгис* 'мох' на этом фоне остаётся локальной единицей, чья возможная связь с древнетюркским пластом не засвидетельствована в существующих реконструкциях и требует отдельного сопоставительного анализа.

Вернемся к антропонимии. Имя давали ребенку через несколько дней после рождения, причем нарекал его не родитель, а другой человек. Это мог быть, во-первых, самый старший из членов родственных семей, проживавший в нескольких юртах в одном аале (поселении), во-вторых, человек, обрезавший пуповину при рождении. Кроме того, в третьих, простые араты за именем ребенка обращались к ламам, которые выбирали имя исходя из дня недели, месяца (по лунному календарю), даже по внешнему виду ребенка (Сувандии, 2011: 84–85).

В имяназвании использовалось несколько принципов, выраженных в лексико-семантических группах антропонимов (там же: 17–39). В том числе применялся принцип защиты детей от различных напастей, в том числе многочисленных болезней, распространенных в прошлые времена. Из суеверий имена давались с отрицательным значением, некрасивые (охранительные), т. е. считалось, что это отводит злые силы. Соответственно в традиционной Туве можно было встретить: *Чүдекпен* 'некрасивый', *Ыт-оол*, *Ытсыгбай* 'собака-мальчик или мальчик, похожий на собаку', *Ыглаңнаар* 'ноющая, хнычущая', *Быжынды* 'обрезок материи или лоскуток' и др. (там же: 87).

Помимо этого был и принцип использования в имяназвании и названий цветов и трав (там же: 18–21), в том числе мха — *Чиңгис*. Это были женские имена, поскольку в них было заложено пожелание быть такими же красивыми, как растения. Приставку *-ней* к имени (*Чиңгисней*) можно рассматривать как суффикс с ласкательной функцией. Таким же образом выстроен другой вариант женского имени — *Чиңгисмаа*.

Когда же в Туве в 1940-х гг. была введена паспортизация (Ламажаа, 2021: 9–11) и родители получили самостоятельность в выборе имен, то традиционный порядок и принципы были существенно изменены. Тувинцы перестали опасаться давать детям звучные имена; перестали быть востребованными охранительные имена и ряд ботанических имен. Среди новшеств оказались имена русские (*Александр*, *Семен*, *Валентина*, *Анна* и пр.), терминология русского языка (*Октябрь*, *Партизан*, *Бригадир*, *Стакан* и пр.) (Сувандии, 2011: 72–79).

И в этом ряду стали модными имена, которые могли каким-то образом прославить человека, возвысить и пр. Соответственно в Туве также распространились мужские имена в честь монголь-

¹ На сегодня вышли в свет 2 тома словаря с охватом букв от А до С: Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1. А–Й; Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2. К–С.

² На сегодня вышли в свет 4 тома запланированного в 5-и томах словаря с охватом букв от А до С: Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука (СО РАН), 2000. Т. 1. А–Б; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука (СО РАН), 2002. Т. 2. Д, Ё, И, Й; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука (СО РАН), 2004. Т. 3. К, Л; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука (СО РАН), 2008. Т. 4. М, Н, О, Ө, П.

³ Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева и др. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. С. 150.



ского правителя Чингисхана, а также его военачальника и соратника Субэдэя (Сувандии, 2009: 111; Байыр-оол, 2017). Но если по отношению к имени второго особых разногласий и вопросов не возникает, то в отношении имени хана есть ряд вопросов. Например, какова этимология имени самого хана? И как правильно пишется монгольское имя — *Чингис* или *Чингиз*?

Ответ на первый вопрос представлен в гораздо более обширном круге научной литературы, показывающей разные версии (Sodnom, 2018). Классической считается версия П. Пелье о том, что «Чингис» происходит от тюркского слова *teniz* 'море, океан' (Pelliot, 1949)¹ и скорее является не личным именем, а титулом. Личное же имя монгольского хана было Темуджин, которое дословно переводится как «человек из железа»². В недавней публикации монгольский историк Ульзийбаяр Содном, критикуя эту и другие версии в части трактовки происхождения имени-титула, считает, что титул «Чингис» произошел от термина *chigin/tigin*, который имеет семантическую связь с монгольским словом *chagan* (*цагаан*) 'белый', который традиционно ассоциируется с аристократией — «белой костью». Согласно гипотезе автора, титул «Чингис» образован добавлением суффикса множественного числа *-s* к основе *chigin*: *chigin* + *s* = *chigins/chinggis*. Тем самым титул, по его мнению, означает «белейший из белых», «высочайший из высоких», «чистейший из чистых», т. е. «высший принц среди всех высших принцев» (Sodnom, 2018: 97).

Относительно второго вопроса: в первую очередь сказать о том, что монгольская фонетика также «оглушает» последнюю согласную³, то есть строго говоря для монгол имя также звучит как *Чингис*. Русская же версия со звонким [z] в окончании — «Чингиз» — появилась очевидно из-за влияния персидских и арабских исторических источников, через которые европейцы и русские (летописцы, историки) впервые познакомились с историей монгольского завоевателя. Поскольку в персидском написании имени одна и та же буква может читаться и как [s], и как [z]⁴, при передаче этого имени на русский язык сложились конкурирующие варианты транслитерации — через *s* и через *z*, причем второй вариант стал даже более распространенным и дошел до современности. Так, труд историка Рашид ад-Дин (1247–1318) «Сборник летописей», написанный на персидском языке, в советском академическом переводном издании имеет версию *Чингиз*⁵. Она распространилась и в науке, и в целом в советской культуре и до сегодняшнего дня в русскоязычном пространстве. Публикаций, как научных, так и публицистических, научно-популярных с написанием имени *Чингиз* и *Чингиз хан* насчитываются тысячи.

Тем не менее, специалисты понимали нюансы написаний и придерживались правильной формы. Так, крупнейший российский монголовед Б. Я. Владимирцев еще в 1922 г. издал популярную биографию Чингисхана с написанием его имени по монгольским правилам⁶, после чего его книга переиздавалась еще неоднократно вплоть до начала XXI в.

Современная научная практика постепенно возвращается к более точной форме *Чингис* или *Chinggis*, отражающей оригинальное монгольское произношение с глухим [s]. Монгольские и англоязычные источники часто используют форму написания *Chinggis Khaan* или *Genghis Khan* (Broadbridge, 2018: xxi), в котором подразумевается глухая форма звука.

Подведем промежуточные итоги. Тувинское женское имя *Чиңгис* и монгольское имя (или титул) *Чингис* (хан) (которое в тувинских текстах также пишется с тувинской буквой *ң* — *Чиңгис*) исходят

¹ При этом тувинской лексемой, означающей море, является слово *далай* 'море' (Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 145), относительно происхождения которого есть разные версии: монгольское, китайское и др. (Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 3. С. 70–71). Сам Б. И. Татаринцев также отмечает древнетюркские лексемы, выражающие море — *талуй*, *теңиз* (Татаринцев, 1979: 112).

² Wilson J. What's in a Name? Genghis vs Chinggis [Электронный ресурс] // Medievalists.net. URL: <https://www.medievalists.net/2022/03/name-genghis-chinggis/> (дата обращения: 24.04.2026).

³ В монгольских языках и диалектах существует деление согласных фонем на сильные (глухие) и слабые (звонкие) (Татаринцев, 1979: 89–102). В тувинском языке, пишет Б. И. Татаринцев, этот признак («сила — слабость») также имеет значение, но есть различия комбинаторного характера — в отношении положения согласных в слове (там же: 90).

⁴ О полифонии в арабо-персидской системе письма см.: Белова и др., 2009.

⁵ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с персидского. М.; Л.: Издательство академии наук СССР, 1960. Т. II.

⁶ Владимирцев Б. Я. Чингис-хан. Петербург, Москва, Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922.



из разных корней, т. е. возможно это межъязыковые омонимы, «ложные друзья» переводчика с разной этимологией. Но параллели звучания, конечно, очевидны, поэтому для будущих исследователей данного вопроса мы также и напомним о словах Б. И. Татаринцева: «Учитывая ... особенности тувинско-монгольских языковых контактов и частотность совпадений звуковых оболочек слов этих языков (в ряде случаев подкрепляемые также большей, чем со словами тюркских языков, смысловой близостью), эти сближения в массе своей нельзя считать случайными» (Татаринцев, 1976: 23).

В нашем случае важнее только констатация того, что имя Чингис (*Чингис*) у тувинцев было исконно традиционным именем из числа ботанических номинаций, причем женским, которое в XX в. «трансформировалось» в мужское имя в честь монгольского хана Чингисхана. Оно стало соседствовать с вариантом *Чингиз*, которое стало распространенной формой написания имени исторического деятеля в русскоязычном пространстве стран СНГ.

Историческая память в Туве о Чингисхане

Рассмотрим вопрос о том, какой была историческая память местного населения Тувы о завоевателе XIII в., в какой форме она проявлялась в прошлом и в настоящем.

Как мы уже сказали, регион входит в ареал не просто распространения наследия Чингисхана, но и прямого подчинения его империи в прошлом (входя в зону «лесных народов» Саяно-Алтая). Он был территорией, на которой монголы строили города и прокладывали дороги (Кызласов, 1969: 130–171; История Тувы, 2001: 154–172). Как отмечают историки, в период расцвета империи в Туву проникло значительное число монголоязычных племен, которые сыграли значительную роль в этногенезе тувинцев (История Тувы, 2001: 162). Культурное влияние отразилось в формировании и развитии исторической памяти об эпохе Чингисхана. Эту тему обстоятельно разбирали М. В. Монгуш (Монгуш, 2010: 94–98), а также Б. У. Китинов и А. Г. Люлина (Китинов, Люлина, 2022). Мы только разовьем наблюдения наших коллег, систематизировав, и дополним их новейшими примерами.

Трепетное отношение жители Тувы к Чингисхану высказывали и в традиционной Туве, и в советские годы, хотя официально тогда это было табуированной темой. Например, М. В. Монгуш приводит ряд свидетельств исследователей Тувы на рубеже XIX–XX в. Так, русский исследователь А. В. Адрианов отмечал в 1888 г., что имя монгольского полководца «не сходит с уст Кемчикских сойотов. Они говорят, что хан Чингис есть родоначальник народа, он научил людей сеять хлеб, в доказательство чего указывают на древние, будто бы, Чингисовы, арыки, рвы; ... Многие считают Чингиса богом...»¹. Как отмечают исследователи, монгольский язык также считался языком официального общения и им владела и политическая элита традиционной Тувы, и население (Татаринцев, 1976: 7, 8); тувинцы широко пользовались старомонгольской письменностью, вплоть до 1930 г., когда был создан тувинский алфавит (Самдан, 2016: 7).

Немецкий этнограф О. Менхен-Хельфен, посетивший Туву в 1929 г., написал: «Шесть столетий не смогли затмить блеск имени Чингисхана. Оно светит ещё сегодня тувинцам и монголам, потомкам тех, кто завоевал мир, и которые теперь сами являются подданными подданных своих предков, как утешительная звезда в горести настоящего»². В 1914 г. британский путешественник Д. Каррутерс повторил почти то же наблюдение: «Чингисхан до настоящего времени обожествляется урянхайцами... Все добрые дела приурочиваются этому великому монгольскому предводителю»³.

В советское время в официальных кругах упоминать имя Чингисхана было не принято, публичные празднования его юбилея были запрещены даже в самой Монголии. Власти рассматривали любые попытки возвеличивания Чингисхана как проявления национализма и пресекали их. Единственными областями, где можно было относительно свободно говорить о Чингисхане, были искусство (драматургия, кино) и художественная литература. Как пишет М. В. Монгуш, в середине 1980-х гг. на

¹ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году // Урянхай — Тыва дептер : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: АО «Красная звезда», 2022. Т. 3. Урянхайский край. Тувинско-русские отношения (начало XVII — начало XX в.). С. 109.

² Mänchen-Helfen O. Reise ins asiatische Tuwa [Путешествие в азиатскую Туву]. Berlin SW 61: Verlag Der Bücherkreis GmbH, 1931. P. С. 138. (На нем. яз.).

³ Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Пг., 1914. Ч. I. Урянхайский край. С. 215.



сцене Тувинского драматического театра шла пьеса Чылгычы Ондара «Кровавые следы». Сюжетная линия пьесы выстраивалась вокруг мысли: «Если бы не было такого гениального тувинского полководца как Субедэй (тув. Субудай), вряд ли бы Чингисхану удалось стать великим завоевателем, изменившим мир» (Монгуш, 2010: 95).

И хотя далеко не все тувинцы, в том числе представители тувинской интеллигенции однозначно героизируют Чингисхана и его роль в тувинской истории (там же: 97–98), тем не менее в постсоветское время ностальгия по Чингисхану в Туве приобрела новый импульс. Образ завоевателя здесь также стал использоваться в самых разных сферах, что можно рассматривать на нескольких уровнях: академическом, музейно-выставочном, туризме и брендинге, политико-символическом, народно-легендарном, культурно-творческом и антропонимическом.

На академическом уровне проводятся исследования, публикуются работы, проводятся научные мероприятия. В археологических, этнографических исследованиях советских ученых на территории Тувы фиксировались упоминания о монгольском периоде и предания местных жителей о Чингисхане. Например, этнографы и археологи еще с 1881 г. (начиная с открытия А. В. Адрианова) знают о каменном изваянии у скалы Бижикиг-Хая в Барун-Хемчикском районе, которое было датировано Л. Р. Кызласовым уйгурским, домонгольским, временем (VIII–IX вв.). Несмотря на этот факт, Кызласов отмечает, что тувинцы называют изваяние «Чингиз-хан» (Кызласов, 1979: 198). Тем самым в академическом дискурсе также отразились и народные поверья, и научная интерпретация переплелась с популярной верой.

Один из соавторов статьи Н. Д. Сувандии также зафиксировала название местности в Пий-Хемском районе *Уш-Көжээ* букв. 'три стелы' (у реки Биче-Баян-Кол), которые по народной легенде являлись указателями дороги для воинов Чингисхана (Сувандии, Кара-оол, 2021: 93).

Современные этнографы также опираются на данные генетических анализов Института общей генетики РАН¹, тем самым обнаруживая среди местных жителей прямых потомков Чингисхана². Сами ученые, этнические тувинцы, например, А. С. Донгак, признаются в наличии духовной связи с монгольской культурой, исторической памяти об «атмосфере эпохи Великой монгольской империи и воли и харизмы Чингисхана»³.

Музейные и выставочные практики. В Национальном музее им. Алдан-Маадыр в Кызыле регулярно проходят временные выставки, посвященные семье Чингисхана (например, выставка 2017 г. «Хан ханов» с восковыми фигурами Чингисхана, его матери Оэлун, друга-предателя Джамухи и др.⁴).

В сфере туризма и брендинга территории известен туристический маршрут «Дорога Чингисхана» (каменная кладка вдоль Енисея, протяженностью примерно 80 км, частично затопленная Саяно-Шушенским водохранилищем)⁵. Она позиционируется как следы древней торговой/военной дороги, связанной с именем Чингисхана. Эта легенда не является новой, о «дороге Чингисхана» упоминает также Л. Р. Кызласов (Кызласов, 1969: 8). Этнокомплекс «Алдын-Булак» («Золотой источник») также поддерживает легенду о захоронении Чингисхана в этих землях и предлагает посетителям погрузиться в кочевую культуру тувинцев⁶. Портал Tuva Travel отмечает, что исторический

¹ Захаров-Гезехус И. А. По следам Чингиз-хана. Генетик в Центре Азии. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2013.

² Донгак А. И встретились с потомком Чингисхана... [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2011, 21 июля. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/3672-erzin.html> (дата обращения: 23.04.2026).

³ Донгак А. Дух великого Чингисхана и монгольский патриотизм [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва = Тыва Республиканың Чазааның чанында Тываның гуманитарлыг болгаш социал-экономиктиг тускай шинчилелдер институту. URL: <https://tigpi.ru/duh-velikogo-chingis-hana-i-mongolskij-patriotizm/> (дата обращения: 23.04.2026).

⁴ Качан И. Тува: Чингисхан, его сыновья, его друзья и недруги [Электронный ресурс] // ИА ТуваОнлайн. 2017, 9 ноября. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2017/11/09/tuva-chingishan-ego-synovy-a-ego-druzya-i-nedrug-i.html> (дата обращения: 23.04.2026).

⁵ Дорогой Чингисхана. 10 точек притяжения колоритной Тувы [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. 2021, 28 октября. URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/dorogoy-chingiskhana-10-tochek-prityazheniya-koloritnoy-tuvy/> (дата обращения: 23.04.2026).

⁶ Там же.



путь тувинского народа проходит через период правления империи Чингисхана, что используется в культурном рассказе для гостей¹.

В общественной и политической символике бывший глава (2007–2021) Тувы Шолбан Кара-оол выступал за возрождение тенгрианства (архаической религии времен Чингисхана) и предложил обязать руководителей республики совершать обряды освящения священных гор (Бай-Тайга и др.), подчёркивая преемственность с времен Чингисхана².

В популярной среде, народных легендах, как пишет Т. А. Зыкова³, бытуют версии о трех возможных местах захоронения Чингисхана внутри границ Тувы: в Сут-Хольском районе, в Тоджинском и под каменным изваянием, о котором выше мы уже упомянули. У тувинцев есть мифологический образ Кезера, который носит также имена Кезер-Чингис-хан (*Кезер-Чингис-хан*), Кезер-Чингис-Хайыракан (*Кезер-Чингис-Хайыракан*), творца-созидателя всего сущего на земле⁴. Как отмечают исследователи, образ Чингисхана причудливо переплетается с образом тибетско-монгольского эпического героя Гэсэра (История Тувы, 2001: 155; Самдан, 2002: 236).

Б. У. Китинов и А. Г. Люлина отмечают, что культ Чингисхана чрезвычайно развит среди тувинцев КНР (Китинов, Люлина, 2022: 25).

Культурная жизнь Тувы не может также обойтись без образа завоевателя. Так, например, конкурс молодых дизайнеров «Искусство на тропе Чингисхана» (2015 г.) демонстрировал, как традиционные тувинские мотивы сочетаются с современными сюрреалистическими образами, вдохновлёнными именем Чингисхана⁵.

Общественный дискурс в соединении с академическим и политическим также поддерживает историческую память и о Субудей-маадыре, полководце армии Чингисхана, происхождение которого относят к танды-урянкайцам, предкам современных тувинцев (Китинов, Люлина, 2022: 25–26). В 2019 г. филолог К. А. Бичелдей издал биографию этого исторического деятеля в художественном изложении⁶. На ее презентации в октябре этого же года Председатель парламента Тувы Кан-оол Даваа сказал: «Образ великого полководца всегда вызывал в республике особый интерес. Личность Субудея до сих пор играет огромную роль в самоидентификации тувинского народа, воспитании подрастающего поколения республики» (Китинов, Люлина, 2022: 26). И как подчеркнули авторы статьи, «акцент на самоидентификацию народа через культ полководца и его роль в воспитании позволяет выделить более перспективный, нежели ретроспективный (в случае с культом Чингисхана) контекст поклонения» (там же). Проводятся отдельные мероприятия о Субудее (Ховалыг, Шой-Сюрюн, Донгак, 2016). И его имя, как мы уже сказали, то выражается также в имянаречении детей (Байыр-оол, 2017).

Таким образом, мы видим, что образ Чингисхана и деятелей его эпохи составляют неотъемлемую часть современной культурной жизни Тувы, что безусловно не могло не отразиться на такой сфере как имянаречение. Но этот процесс наложился на особую тувинскую основу.

¹ Люди и культура [Электронный ресурс] // Tuva Travel. URL: <https://tuva-travel.com/ru/culture/> (дата обращения: 23.04.2026).

² Приймак А. Дух Чингисхана овладевает Сибирью [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2019, 4 июня. URL: https://www.ng.ru/problems/2019-06-04/14_465_syberia.html (дата обращения: 23.04.2026).

³ Зыкина Т. А. Новейшие тувинские древности [Электронный ресурс] // Отечественные записки. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/novejshie-tuvinskie-drevnosti.html> (дата обращения: 23.04.2026).

⁴ Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев и др. Новосибирск: Наука, 2010. С. 12, 36, 37.

⁵ Лучшим дизайнером Тувы признана Юлия Хирбээ со своей коллекцией «Урянхайские принцессы» [Электронный ресурс] // Хранители Тувы. 2015, 3 июня. URL: <https://kntuva.ru/news/1631> (дата обращения: 23.04.2026).

⁶ Бичелдей К. А. Субудей. Великий урянхайский полководец. Историческая биография в художественном изложении. М.: Слово, 2019. С. 5.



Динамика имянаречений тувинцами детей Чингис и Чингиз

Имена *Чингис* и *Чингиз* распространились в Туве в советские годы, они остаются одними из самых популярных в республике и в постсоветское время¹. И трактовка имени в «пользу» завоевателя настолько стала популярной, что привела к тому результату, о котором мы упомянули во введении, когда органы ЗАГС стали считать *Чингис* и *Чингиз* одним именем, только с разными окончаниями, или парой слов, выглядящих двумя фонетическими и графическими презентациями одного заимствованного имени/титула.

Население также не стало разбираться в этих тонкостях и в итоге женское имя *Чингис* почти полностью стало считать типично мужским, причем в связи с именем Чингисхана².

Это переключение в «пользу» монгольского хана показывают нам, хотя и косвенно, данные органа ЗАГС, например, по г. Кызылу и Кызылскому району Тувы. Согласно статистическим сведениям из архива ЗАГС Республики Тыва (см. таблицу 1), в столичном округе в период с 1945 по 1965 гг. не было зафиксировано ни одного имени «Чингис» или «Чингиз» у новорожденных. Этот факт объясняется не столько тем, что имя не присваивалось, а сколько тем обстоятельством, что город в эти годы имел иную статистику этнического состава населения: в нем проживало больше русских, а тувинцы только мигрировали из сел (Ширап, 2019: 80–81; Доржу, Ширап, 2025).

Таблица 1. Имянаречения мальчиков и девочек в г. Кызыле и Кызылском районе Тувы именами «Чингис» и «Чингиз» в 1945–1990 гг.

Table 1. Naming of boys and girls in the city of Kyzyl and the Kyzylsky district of Tuva with the names "Genghis" and "Genghis" in 1945–1990.

Пятилетки	Чингис		Чингиз	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
1945–1950	-	-	-	-
1951–1955	-	-	-	-
1956–1960	-	-	-	-
1961–1965	-	-	-	-
1966–1970	1	-	2	-
1971–1975	15	1	3	-
1976–1980	38	-	16	-
1981–1985	171	2	64	-
1986–1990	523	11	54	-

С 1970-х гг. город наполняется тувинцами — горожанами-мигрантами, у которых рождаются дети — первое поколение рожденных в городе тувинцев. Мы видим по данным таблицы 1, что *Чингис* как традиционное женское имя продолжало присваиваться девочкам, но общая тенденция по маскулинизации очевидна. Число мальчиков с именем *Чингис* выросло за 20 лет с геометрической прогрессии, а имя *Чингиз* присваивалось и продолжает присваиваться исключительно мальчикам.

Дальнейшую динамику нам покажут уже показатели по всей республике, в которых мы не стали делать деления по полу, поскольку нас интересовал общий интерес жителей Тувы к двум именам, которые стали восприниматься вариациями одного имени (таблица 2).

¹ В Туве самые популярные женские имена: Айлуна, Алдын-Сай, Анастасия, Алина, Алиса, Александра, Даяна [Электронный ресурс] // ИА ТуваОнлайн. 2018, 17 декабря. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2018/12/17/v-tuve-samye-populyarnye-zhenskie-imena-ayluna-aldyn-say-anastasiya-alina-alisa-aleksandra-dayana.html> (дата обращения: 24.04.2026).

² Там же.



Таблица 2. Присвоение имен Чингис и Чингиз рожденным детям Тувы в 1990–2025 гг., согласно данным органов ЗАГС Республики Тыва¹

Table 2. Naming of Genghis and Genghis to the born children of Tuva in 1990–2025, according to the Registry Office of the Republic of Tuva

Годы	Чингис	Чингиз
1990	79	11
1991	104	14
1992	89	16
1993	59	11
1994	59	15
1995	54	13
1996	46	5
1997	40	9
1998	24	10
1999	30	7
2000	20	18
2001	30	8
2002	36	3
2003	30	3
2004	41	2
2005	33	5
2006	34	5
2007	34	7
2008	40	5
2009	33	3
2010	31	3
2011	35	3
2012	30	3
2013	28	3
2014	25	3
2015	36	6
2016	29	4
2017	32	5
2018	27	3
2019	18	2
2020	12	2
2021	11	1
2022	9	-
2023	10	1
2024	12	1
2025	10	-
ИТОГО	1271	210

Переведем указанные цифр в формат диаграммы.

¹ Среди данных ЗАГСа также встречались единичные варианты: *Чиңгис* (в тувинском написании) и *Чингис-оол*, которые мы не здесь учитываем.

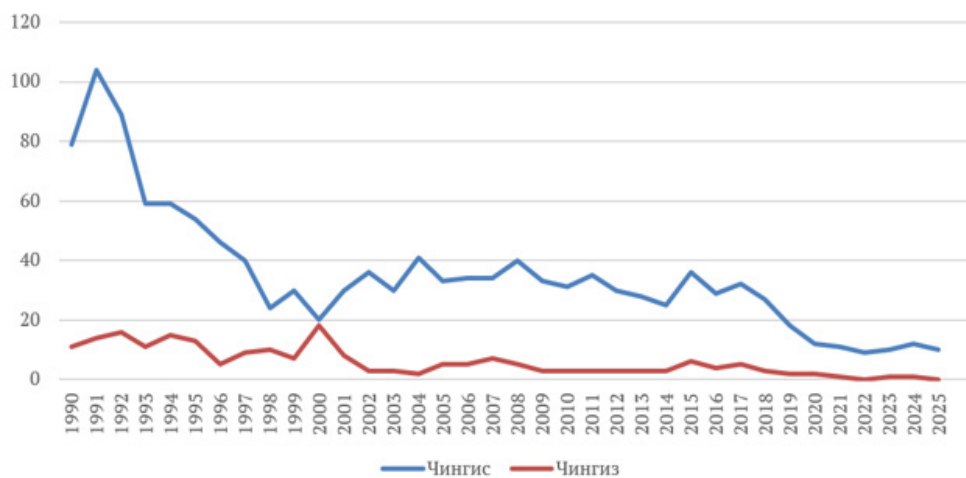
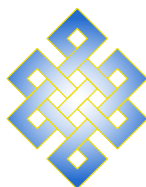


Диаграмма. Динамика присвоения имен Чингис и Чингиз рожденным детям Тувы в 1990–2025 гг., согласно данным органов ЗАГС Республики Тыва.
Diagram. The dynamics of naming Genghis and Genghis to Tuvan-born children in 1990–2025, according to the Registry Office of the Republic of Tuva

Диаграмма нам показывает в первую очередь этапность популярности имени (если его рассматривать как одно). 1990-е годы можно интерпретировать как пик «национально-патриотической волны» имяназвания: очень высокие показатели 1990–1992 гг. (примерно 80–100 новорожденных в год) совпадают с распадом СССР, ростом интереса к «своей» истории и фигурам степной державности. Дальнейшее снижение в 1996–2000-е гг. (падение с 50–60 к 20–40 в год) выглядит как нормализация: имя перестает быть новой модной маркерной практикой и превращается в устойчивый, но менее массовый выбор. С середины 2000-х до примерно середины 2010-х гг. колебания имени находятся в узком коридоре (примерно 25–40 имен в год), без резких скачков. Имя переходит из разряда «идеологически нагруженных» в разряд обычных массовых мужских имен, становясь своего рода нормой мужского имяназвания в Туве, а не только маркером отношения к историческому персонажу. После 2015 г. видна тенденция к устойчивому снижению частоты (с 36 — в 2015 г. до 10–12 — в 2020-е гг.).

Включение Тувы в более широкий российский и глобальный культурный контекст, который произошел в постсоветское время, привело к росту разнообразия имен, вследствие чего даже популярное традиционно-патриотическое имя начинает «проигрывать» конкуренцию более модным или интернациональным именам. Это согласуется с общим описанием перехода к свободному выбору имён и выходом за рамки традиционной системы. Мощная историческая память о Чингисхане сохраняется, но не требует повторного «подтверждения» в каждом поколении через имяназвание, тем более на фоне конкуренции с образом Субэдэя, который всё активнее используется именно как фигура самоидентификации.

Из таблицы и диаграммы также видно, что: *Чингис* количественно доминирует над *Чингиз* (1271 против 210 за весь период). Доля *Чингиза* заметно сокращается к концу периода, а в 2022 и 2025 гг. вообще не фиксируется. Выбор формы *Чингис* (с глухим согласным [s] в окончании) по сравнению с *Чингиз* (со звонким согласным [z] в окончании) можно интерпретировать как постепенное «локализирующее» переосмысление имени, возвращение к более «тувинской» (и монгольской) форме, тогда как *Чингиз* маркирует скорее общетюркскую/советско-интернациональную традицию.

Как мы уже сказали, с точки зрения тувинской фонетики форма *Чингис* структурно более естественна, а вариант персидской версии с [z] на конце остается чуждым фонологическому стандарту, нетипична именно финальной звонкой. Поэтому исчезновение варианта *Чингиз* в 2020-е гг. может означать, что конкуренция между двумя вариантами не просто завершается «победой» *Чингис*, но и что родители начинают осознанно избегать «чуждой» финальной звонкой согласной, тем самым «донационализируя» имя на фонетическом уровне.



В массовом сознании оба имени трактуются как отсылка к Чингисхану. Статистика динамики имяназваний *Чингис/Чингиз* в 1990–2025 гг. демонстрирует не только количественные изменения, но и завершившийся семантический сдвиг: бывшее «растительное» и женское по происхождению имя окончательно закрепилось в мужском сегменте и стало символом героизированной маскулинности. Но в распределении по формам (*Чингис/Чингиз*) проявляется обратное: выбор той формы, которая ближе к локальной лексике и фонетике тюркского и монгольского языков. То есть на уровне фонетической реализации и долговременной статистики просматривается восстановление традиционного звучания имени (через устойчивое доминирование и сохранение формы *Чингис*).

Заключение

Проведенное исследование позволяет рассматривать имена «Чингис» и «Чингиз» как точку пересечения нескольких пластов культурной памяти и языковых практик тувинцев, где локальная ботаническая традиция и глобальный монгольский миф взаимодействуют и взаимно переопределяют друг друга. Показано, что изначально тувинское *Чингис* как название мха, входящее в древний пласт растительной лексики, служило основой преимущественно женских имен и вписывалось в систему пожелательных, эстетически маркированных имен для девочек. Однако усиление образа Чингисхана в академическом, политическом и массово-культурном дискурсе Тувы привело к переосмыслению имени и его почти полному смещению в мужской сегмент, где оно стало символом силы, власти и героической маскулинности.

Историческая память о Чингисхане, поддерживаемая научными исследованиями, музейными выставками, туристическими маршрутами и политико-символическими жестами — все это создало широкий контекст, в котором выбор имени «Чингис/Чингиз» воспринимается как участие в престижной традиции и как маркер национально-культурной идентичности. В то же время статистика ЗАГС свидетельствует о временной ограниченности «патриотической волны» 1990-х гг. и постепенном снижении частоты этих имен на фоне роста разнообразия и интернационализации антропимии в постсоветской Туве.

Особое значение имеет выявленный фонетико-семантический сдвиг в пользу формы Чингис: количественное доминирование этой формы и исчезновение варианта Чингиз в 2020-е гг. интерпретируется как процесс возвращения традиционного звучания имени. При том, что массовое сознание связывает оба варианта прежде всего с Чингисханом, долговременная статистика отражает возвращение к фонетически естественной для тувинского (как и монгольского) языка форме и скрытое сохранение исходной ботанической мотивации.

Таким образом, имяназрение Чингис/Чингиз оказывается индикатором более широких процессов: смены поколенческих стратегий именования, переосмысления национальной истории, конкуренции локальных и глобальных символов, а также поиска баланса между традицией и модерностью в репертуаре личных имен тувинцев.

Благодарности

Благодарим руководство и сотрудников органа ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва (всех районных отделений) за предоставленные сведения.

Вклад авторов:

Ламажаа Ч. К. — идея исследования, написание, редактирование статьи,

Сувандии Н. Д. — организация получения материалов из органов ЗАГС, написание раздела статьи,

Амалбекова М. Б. — сбор материалов, написание раздела статьи,

Иргит Л. Р. — обработка сведений из органов ЗАГС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байыр-оол, М. С. (2017) Имя Субудая в имяназрении тувинцев 1980–2000-х годов // Новые исследования Тувы. № 4. С. 154–170. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.10>



Белова Г. А., Коган Л. Е., Лалезари С. В., Романова О. И. (2009) Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М. : Academia. 832 с.

Ванчикова, Ц. П. (2013) К вопросу о возникновении культа Чингис-хана: по материалам «Белой истории» // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. № 2 (49). С. 112–119.

Доржу, З. Ю., Ширап, Р. О. (2025) Адаптация тувинцев-сельчан к городской жизни Кызыла в 1960–1980-е гг. // Новые исследования Тувы. № 4. С. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.2>

Дьяченко, Н. В. (2025) «Фигуры воспоминания» Чингисхан и Амир Тимур: сравнительно-политический анализ мемориальных образов в политическом дискурсе Монголии и Узбекистана // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 53. С. 80–91. DOI: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.53.80>

Егорова, О. Г., Беляков, Д. А. (2023) Художественные интерпретации образа Чингисхана в англоязычной литературе XX и XXI веков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 16. Вып. 8. С. 2524–2529.

Исаков, А. В. (2024а) Семантика и прагматика упоминаний Чингисхана в текстах бурятской литературы XX века // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2(42). С. 79–83. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2024.2.42.012>

Исаков, А. В. (2024b) Чингис-хан в фольклорных преданиях монгольских народов: мифологические рамки памяти // Монголоведение (Монгол судлал). Т. 16. № 2. С. 385–399. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-2-385-399>

История Тувы (2001) / под ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. 367 с.

Китинов, Б. У., Люлина, А. Г. (2022) Буддизм и шаманизм у современных тувинцев России и Китая: на примере народных культов и традиций // Ориенталистика. Т. 5(1). С. 15–34. DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-015-034>

Кучина, Л. В. (2012) Культурная память, как проявление диалога культур народов. (отражение образа Чингиз-хана в культурной памяти калмыков) // Человеческий капитал. № 12 (48). С. 35–41.

Куулар, Д. К., Куулар, Т. М. (1974) Тыва эн үнүштер [Лекарственные растения в Туве]. Кызыл : Тувкнигоиздат. 68 с. (На тув. яз.).

Кызласов, Л. Р. (1969) История Тувы в средние века. М. : Изд-во Московского университета. 211 с.

Кызласов, Л. Р. (1979) Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во Московского университета. 207 с.

Ламажаа Ч. К. (2021) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Марков, В. И. (2018) Парадоксы культурной памяти: культ Чингисхана в XXI в. // Вестник культуры и искусств. № 1 (53). С. 43–51.

Ондар, М. В. (2022) Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте). Абакан : ООО «Кооператив “Журналист”». 320 с.

Салгараев, М. Т., Кулахмедова, А. (2025) Великие полководцы: Александр Македонский и Чингисхан // Turkic Historical Studies. Т. 4. № 7. С. 80–88. DOI: <https://doi.org/10.47526/2024-1/3007-6366.51>

Самдан, А. А. (2016) Тувинские монголоязычные рукописи. Абакан : б. и. 185 с.

Самдан, З. Б. (2002) Поэтика тувинского мифа // Ученые записки / отв. ред. В. Д. Март-оол. Кызыл : Республиканская типография. Вып. XIX. С. 235–246.

Сувандии, Н. Д. (2011) Тувинская антропонимия. Кызыл : б. и. 208 с.

Сувандии, Н. Д. (2024) Обряд имянаречения как процесс категоризации в тувинском языке // Когнитивные исследования языка. № 5 (61). С. 691–695.

Сувандии, Н. Д. (2025) Сакральная значимость тувинских личных имен: традиции и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 234–247. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.15>

Сувандии, Н. Д., Кара-оол, Л. С. (2021) Тувинские собственные имена. Кызыл : Тувинский государственный университет. 224 с.

Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 130 с.



Ховалыг, Н. К.-К., Шой-Сюрюн, Т. М., Донгак, К. Н. (2016) Круглый стол «Урянхаец Субедей — Великий полководец» (г. Кызыл, 4 декабря 2015 г.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 232–241.

Цыренова, Н. Д., Цыренов, Ч. Ц. (2024) Ордосский мавзолей Чингис-хана: история и современность // Монголоведение (Монгол судлал). Т. 16. № 2. С. 312–326. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-2-312-326>

Чингисхан и судьбы народов Евразии = Chingiskhan and destinies of nations of Euroasia (2003) : Материалы междунар. науч. конф., 3–5 окт., 2002 г / редкол.: С. В. Калмыков и др. Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета. 618 с.

Чингисхан и судьбы народов Евразии — 2 (2007) : материалы международной научной конференции, 11–12 октября 2007 г. / редкол.: С. В. Калмыков и др. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета. 580 с.

Ширап, Р. О. (2019) Социально-демографическое развитие г. Кызыла в 1940–1960-е гг. // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. № 4 (52). С. 76–83.

Broadbridge, A. F. (2018) Women and the Making of the Mongol Empire. Cambridge University Press. 341 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108347990>

Pelliot, P. (1949) Histoire secrète des Mongols. Paris: Imprimerie Nationale. 205 p.

Sodnom, U. (2018) The Title Name: 'Ch(T)igin' or 'Chinggis' // Oriental Studies. Vol. 38. Issue 4. P. 94–99. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-38-4-94-99

Weatherford, J. (2004) Genghis Khan and the Making of the Modern World. New York : Three Rivers Press. 2325 p.

Дата поступления: 28.02.2026 г.

Дата принятия: 13.03.2026 г.

REFERENCES

Bayyr-ool, M. S. (2017) Subudai's name in the naming practices of Tuvans in the 1980s–2000s. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 154–170. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.10>

Belova, G. A., Kogan, L. E., Lalezari, S. V. and Romanova, O. I. (2009) *Languages of the world: Semitic languages. Akkadian. Northwest Semitic languages*. Moscow, Academia. 832 p. (In Russ.)

Vanchikova, Ts. P. (2013) On the origin of the cult of Genghis Khan: based on materials of the “White History”. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*, no. 2 (49), pp. 112–119. (In Russ.)

Dorzu, Z. Yu. and Shirap, R. O. (2025) Adaptation of rural Tuvans to urban life in Kyzyl in the 1960s–1980s. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 23–37. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.2>

Dyachenko, N. V. (2025) “Figures of remembrance” Genghis Khan and Amir Timur: a comparative political analysis of memorial images in the political discourse of Mongolia and Uzbekistan. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, vol. 53, pp. 80–91. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.53.80>

Egorova, O. G. and Belyakov, D. A. (2023) Literary interpretations of the image of Genghis Khan in English-language literature of the twentieth and twenty-first centuries. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 16, issue 8, pp. 2524–2529. (In Russ.)

Isakov, A. V. (2024a) Semantics and pragmatics of mentions of Genghis Khan in the texts of twentieth-century Buryat literature. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*, no. 2 (42), pp. 79–83. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2024.2.42.012>

Isakov, A. V. (2024b) Genghis Khan in the folklore traditions of Mongolic peoples: mythological frameworks of memory. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*, vol. 16, no. 2, pp. 385–399. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-2-385-399>

History of Tuva (2001) Ed. by S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. 367 p. (In Russ.)

Kitinov, B. U. and Lyulina, A. G. (2022) Buddhism and shamanism among contemporary Tuvans of Russia and China: on the example of folk cults and traditions. *Orientalistika*, vol. 5 (1), pp. 15–34. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-015-034>

Kuchina, L. V. (2012) Cultural memory as a manifestation of the dialogue of peoples' cultures: reflection of the image of Genghis Khan in the cultural memory of Kalmyks. *Chelovecheskiy kapital*, no. 12 (48), pp. 35–41. (In Russ.)

Kuular, D. K. and Kuular, T. M. (1974) *Medicinal plants in Tuva*. Kyzyl, Tuvknigoizdat. 68 p. (In Tuva.).



- Kyzlasov, L. R. (1969) *History of Tuva in the Middle Ages*. Moscow, Moscow University Press. 211 p. (In Russ.)
- Kyzlasov, L. R. (1979) *Ancient Tuva (from the Paleolithic to the ninth century)*. Moscow, Moscow University Press. 207 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) Key problems in the study of kinship and kin groups among contemporary Tuvans: formalization, terminology, and maintenance of kin relations. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>
- Markov, V. I. (2018) Paradoxes of cultural memory: the cult of Genghis Khan in the twenty-first century. *Vestnik kultury i iskusstv*, no. 1 (53), pp. 43–51. (In Russ.)
- Ondar, M. V. (2022) *Features of the language of Tuvan heroic tales (in a comparative aspect)*. Abakan, OOO Kooperativ "Zhurnal'ist". 320 p. (In Russ.)
- Salgaraev, M. T. and Kulakhmedova, A. (2025) Great military leaders: Alexander the Great and Genghis Khan. *Turkic Historical Studies*, vol. 4, no. 7, pp. 80–88. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.47526/2024-1/3007-6366.51>
- Samdan, A. A. (2016) *Tuvan Mongolic-language manuscripts*. Abakan, s. n. 185 p. (In Russ.)
- Samdan, Z. B. (2002) Poetics of the Tuvan myth. In: *Uchenye zapiski*, ed. by V. D. Mart-ool. Issue XIX. Kyzyl, Republican Printing House. Pp. 235–246. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2011) *Tuvan anthroponymy*. Kyzyl, s. n. 208 p. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2024) The naming ritual as a categorization process in the Tuvan language. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 5 (61), pp. 691–695. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2025) The sacred significance of Tuvan personal names: tradition and modernity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 234–247. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.15>
- Suvandii, N. D. and Kara-ool, L. S. (2021) *Tuvan proper names*. Kyzyl, Tuvan State University. 224 p. (In Russ.)
- Tatarintsev, B. I. (1976) *Mongolian linguistic influence on Tuvan vocabulary*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 130 p. (In Russ.)
- Khovalyg, N. K.-K., Shoi-Syuryun, T. M. and Dongak, K. N. (2016) Round table "Uryankhai Subedei — a great military commander" (Kyzyl, 4 December 2015). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 232–241. (In Russ.)
- Tsyrenova, N. D. and Tsyrenov, Ch. Ts. (2024) The Ordos mausoleum of Genghis Khan: history and modernity. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*, vol. 16, no. 2, pp. 312–326. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-2-312-326>
- Chingiskhan i sud'by narodov Evrazii = Chingiskhan and destinies of nations of Eurasia* (2003) Materials of the international scholarly conference, 3–5 October 2002. Ed. board: S. V. Kalmykov et al. Ulan-Ude, Buryat State University Press. 618 p. (In Russ.)
- Chingiskhan i sud'by narodov Evrazii — 2* (2007) Materials of the international scholarly conference, 11–12 October 2007. Ed. board: S. V. Kalmykov et al. Ulan-Ude, Buryat State University Press. 580 p. (In Russ.)
- Shirap, R. O. (2019) Socio-demographic development of the city of Kyzyl in the 1940s–1960s. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, issue 1. Social and Human Sciences, no. 4 (52), pp. 76–83. (In Russ.)
- Broadbridge, A. F. (2018) *Women and the Making of the Mongol Empire*. Cambridge University Press. 341 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108347990>
- Pelliot, P. (1949) *Histoire secrète des Mongols*. Paris, Imprimerie Nationale. 205 p.
- Sodnom, U. (2018) The Title Name: 'Ch(T)igin' or 'Chinggis'. *Oriental Studies*, vol. 38, issue 4, pp. 94–99. DOI: [10.22162/2619-0990-2018-38-4-94-99](https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-38-4-94-99)
- Weatherford, J. (2004) *Genghis Khan and the Making of the Modern World*. New York, Three Rivers Press. 2325 p.

Submission date: 28.02.2026.

Acceptance date: 13.03.2026.